

101 ПОЭТ XXI ВЕКА

37

Галина
Щербова

...

ЧТО
ДЛЯ МЕНЯ
ПОЭЗИЯ

у НИКИТСКИХ
ВОРОТ

Москва 2020

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Щ 66

Галина Щербова

Щ 66 Что для меня поэзия : стихотворения. Галина Щербова / 101 поэт XXI века. – М.: Издательство «У Никитских ворот», 2020. – 112 с.

ISBN 978-5-

Книга поэта и прозаика Галины Щербовой включает стихи 2017–2019 годов и единичные произведения более ранних периодов, получившие завершение во время подготовки данного издания, однако все стихи ранее не публиковались и представляют собой своеобразный творческий отчёт. Каждый из пяти разделов – «Настоящее время», «Дом на юру», «Чувство притяжения», «Северный август», «Древний свет» – имеет свою направленность, однако деление достаточно условно. Между разделами есть перекличка, неизбежные пересечения тематики. Ведь стихотворения всегда имеют несколько граней того или иного поворота поэтического мышления и не являются однозначно определённым заявлением. Для автора особенно важна многозначность создаваемых образов, которые отражают впечатления от соприкосновения с различными сторонами бытия. Включённая в серию «101 поэт XXI века» книга стихов Галины Щербовой отражает гибкую трансформацию классической традиции, которая осваивает приёмы и багаж настоящего, открыта веяниям будущего.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-

© Г. Щербова, 2020
© Оформление, серия,
Издательство «У Никитских
ворот», 2020

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Май в Хамовниках

Май в Хамовниках млеет ленью.
Блещет обновой
Каждый куст.
Лев Толстой, поделитесь со мной сиренью,
Белой или лиловой –
На Ваш вкус.
Я сама нарвала руками бы
Громадные грозди –
Соцветий пыль.
Но всюду зоркие видеокамеры,
В заборе гвозди
Мой студят пыл.

Весомое облако

Висело весомое облако
Над клёпаным Крымским мостом.
И было суровое обликом
На пару с гранитным рустом.
Сканируя облако взглядами,
Я думала: что-то не так.
Висит над водой, над фасадами –
Как мстительно сжатый кулак.
Отчётливый знак ударения.
Небес осуждающий жест...
А впрочем, их неодобрения
Нам всем не избежать уже.

Приятный кофе

в холодном парке
на открытой сцене
блестящей от недавнего дождя
классическая музыка страдает
упрямо не желая покидать
согретые руками инструменты
распространяться по сырому парку
лишь достигает кованой ограды
за которой
остановилась мать с коляской
и в такт руладам
укачивает спящего младенца
вдыхая запах кофе
волшебным образом возникший
при исполнении речитатива
Бернье
«Приятный кофе»

Иллюзии

На асфальте веточка, как змейка,
Родственная юному ужу.
Отскочить, не наступив, сумеи-ка!
У бордюра белая скамейка.
Дух переведу и посижу.

Возле клумбы позабыта лейка
С красочной картинкой – стая рыб..
В зарослях тропинка – как лазейка.
На газоне серебрится змейка,
Словно тонкой веточки изгиб.

Апельсин

Неотразим полосатый собор Orvieto.
Острый контраст не стереть дождями и пылью.
Безупречный фасад. Мозаичные крылья.
Золотая пыльца. Считаю гудки. Жду ответа.

В оранжевой куртке ты выбегаешь на площадь.
На глазах у всех ем глазами тебя с кожурою,
Позолота собора вприкуску. Я чувств не скрою.
Но, согласишься, в России всё было бы проще.

Стоим на паперти, будто у врат Рая.
Ты излучаешь свет. Я трепещу как осина.
Ну, прощай. Пять зёрнышек апельсина
Уношу, в кармане рассеянно перебирая.

Палаццо Роберто (Мола-ди-Бари)

С.Д.

Вечер. Пятница. Площадь плещет фонтаном.
Людно. Весело. Но в углу, как на грани мира,
Положив ногу на ногу, три вампира
Сидят на железной скамье под сухим платаном.

Захлопнуты ставни замка, ржа съела кровлю.
А вокруг всё смеется, шумит, всё открыто – aperto.
Здесь chiuso – закрыто. Заколочен палаццо Роберто.
Неподвижны вампиры в чёрном. Фасад обескровлен.

Каменный холод

Чужой город. Чужие люди.
Ночи муть.
Воздух лёг холодцом на блюде...
Не вдохнуть.

Миф обрушился, как теплица,
Как отчий дом.
Всюду каменные их лица.
Глаза со льдом.

Задыхаюсь в отчаяньи, уезжая.
Всё... Развело...
Не они, это я среди них чужая,
Моё тепло.

* * *

Барашков нескончаемый балет...
Над бдительностью властвует беспечность.
Здесь каждый может свой оставить след,
Но лишь не предъявляя прав на вечность.
В корзину брошен скомканный буклет –
Не доданной чужим соблазнам дани.
В руке до снежной осени билет,
Невысохший купальник в чемодане,
Горсть камешков (их белоснежен цвет) –
Их мы вдвоём в песке насобирали.
В них шум и говор волн... и лето наших лет,
И узкий серпантин приморской магистрали.

Красивая осень

Красивая осень. Коричнево кредо каштана,
Красно – барбариса, оранжево – клёнов и лип.
Их многоголосье штрихуют дожди неустанно,
До чёрного с белым сводя золотой логотип.

Красивая осень. Фонтана воздушна причёска,
В пустынных аллеях звучит неумолчная речь.
Ночами зима подступает неслышно, неброско
Горячие страсти в спокойствие снега облечь.

Волнительный маршрут

На вокзал к шести.
Семафор, гори.
Мне в Москве сойти,
А тебе в Твери.
Положила глаз
На тебя, дружок,
Что ж из раза в раз
Следуешь в Торжок?
Мне сойти с ума,
А тебе – пустяк,
Приласкает тьма
На ночных путях.
Как в груди ожог,
Дышится едва...
Ну, бывай, Торжок!
Ну, привет, Москва!

Апрель в ноябре

У апрельского парка ноябрьский вид,
Припорошенные газоны.
Мнилось, солнце историю обновит,
Но сменить не спешит фасоны.

Дни шагнули по щиколотку в ручьи,
И глаза фонарей – как блюдца.
Встанет хмурая парочка со скамьи.
Не оглядываясь, разойдутся.

Так ожесточены,
Все мосты сожжены,
Ноябрём стало всё на свете.
Не для зимней вражды упованья весны
И наивная песнь о лете...

Вновь ноябрь, но в деревьях апреля вязь –
Не торопится непогода.
Двое с разных сторон подбегут, смеясь,
Целоваться за все полгода.

Настоящее время

Сумерки. Люди идут навстречу,
Светятся их голубые лица,
И непрерывно на всех наречиях
Тесный контакт с телефоном длится.

Двигутся ночью, словно лунатики,
Погружены в электронные сети,
Не замечая динамики, статики,
И старики, и совсем ещё дети.

Манипулируя поколениями,
Цивилизация рдеет ранами:
Ноги – расшибленными коленями,
Айфоны – расшибленными экранами.

С настроением

Ю. И-С.

Пишу ответ, ищу в клавиатуре
Помягче знаки и послаще звуки.
Пекусь о всякой речевой фигуре.
«Огромное спасибо» – две-три штуки.

Весь мир лучится подтверждением маю,
Эпистолярный жанр – опроверженьем.
И просится: «Целую. Обнимаю».
Но вывожу, вздыхая: «С уваженьем...»

Летели над морем

Там плыли корабли и облака.
А мы от восхищенья онемели:
Столь синева спокойно глубока
И так лазурны солнечные мели.

Блистало море, как гигантский страз.
Молниеносно, словно лёгкий дротик,
Вдруг выпорхнул, сверкая, из-под нас
Пугливый белокрылый самолётик.

Пятном неслась по морю наша тень,
Ощупывая острова и яхты,
Вершины волн в барашках набекрень,
Морских глубин таинственные шахты.

От яхт тянулись белые хвосты...
И мы перед снижением успели
Узнать сквозь километры пустоты
Морских сирен волнующие трели.

По Флоренции

возница, бородатый как Илия
два белых битюга везут коляску
откуда с раззолоченных сидений
вытягивают тоненькие шеи
японские Ромео и Джульетта

Мегалитические поля

камни времён неолита
выстроились рядами
то ли памятник архитектуры
то ли мусор обыденной жизни
и не знает никто
что такое искусство
процесс или плод созиданья
а камни молчат

«Обезьяна на скале», картина Мори Сосэн (1747–1821)

прыгнуть готова
с гребня скалы обезьяна
я не готов

«Осень», картина Ватанабэ Кадзан (1793–1841)

сумрачно серо
но освещают мой путь
жёлтые листья

* * *

гальки холодной
перебирая чётки
хмурится океан

* * *

был выходной
трудилось одно лишь море
не покладая волн
будто шла разработка карьера
сквозь который я пробиралась
отталкиваясь с опаской
от колоссальных глыб
то проскальзывая между ними
то взлетая на острые гребни

Животный инстинкт

Куропатки, белки, фазаны
Не боятся грохота войны

И в Донецк отрядами идут –
Им отныне безопасно тут.

Чует зверь, теперь он будет цел,
Не его преследует прицел.

Хоть звериный действует устав,
В бойне – человеческий состав,

И одна забота дорога –
До подвига истребить врага.

На пределе взвинченных идей
Здесь идёт охота на людей.

Жена-арфистка

Ты властелин. Твоя жена арфистка.
Мерцанье струн под пальцами её.
С каких небес, не убоившись риска,
Она сошла в земное бытие,
Взлелеяна четвертым измереньем,
Чтоб стать в трёхмерном сумрачном краю
Созданием, с божественным смиреньем
Принявшим на себя епитимью?
В её глазах несказанного чудо.
Сияние в кудрявых волосах.
Она – звезда, упавшая Оттуда,
Стоять у этой жизни на часах,
Рождать детей, любить, растить упорно,
Не замечая бега солнц и лун.
Тебе верна, всегда тебе покорна.
Но оживает, лишь касаясь струн.

Портрет Греции

Здесь вода беспредельна. Плыви, не спеши.
Кожа суши под солнцем иссохла.
Здесь нужны только синие карандаши,
Изумрудно-зелёный и охра.

Первозданным оставить божественный свет,
Ослепительной тьмы набирая.
И уже на листе узнаваем портрет –
Лик земного аналога Рая.

Морской накал

Море синее зажгли.

К. Чуковский

Плаваются нефритовые глыбы:
Не перескочить, не обойти.
Яростно вскипают на пути,
Повторяя пламени изгибы.

Всё мощней, громаднее и злей,
Всё синей, настойчивей, угрюмей
В мутной темноте у моря в трюме
Скрежет перламутровых углей.

Стихия материнства

Маше

Где бухта замыкается горой,
Уткнувшей нос в нефритовое море,
Столкнулись облака в безмолвном споре
И вдруг сложили ветреной игрой
Одну русалку в царственном уборе,

Которая, лучась голубизной,
Над скалами гряды простёршись телом,
Чуть шевеля хвостом воздушно-белым,
Неспешно проплывала надо мной.
И, заглядевшись, я оцепенела:

Она была с младенцем на руках,
Заботливо укутанным в пелёны
От ветра, солнца и воды солёной,
И облаком витала в облаках –
Стихией, материнством окрылённой.

* * *

Великий повар соль подсыпал в океан,
При смелости творца сколь важно чувство меры.
Напиток ли, раствор налит в большой стакан,
Заботливо накрыт салфеткой атмосферы,
блестит, рябя.
Порфиновый голыш – эгейский амулет,
Шлифованный рукой упорного динамо...
Но не дано волнам слизнуть за сотни лет
Начертанных в песке заветных слов ті ато –
«люблю тебя».

* * *

Всё немо. Губы каменных сугробов
Морозом сведены.
Лежат покровы наивысшей пробы,
Смертельной белизны.
Канаты стужи мёртвыми узлами
Опутали пути.
В кристалле льда безжизненное пламя –
Последнее «прости».
Луна согнулась и, полунагая,
Сквозь блёсток пыль
Бредёт, на столб фонарный налегая,
Как на костыль.
И ночь, хрустя остывшими перстами,
Глядит из дыр
В лохмотьях туч, выброшенных местами
На спящий мир.

Спасибо!

Вот! Цокот новогодней тройки,
Град поздравлений мимоходом.
И церемонно из помойки
Кричат бомжи мне: «С Новым годом!»
Я им в ответ кричу: «Спасибо!»
Они: «А не за что, не жалко!»
И старый год летит на свалку.

* * *

едем в метро
тесно прижаты друг к другу
на благородной щетине попутчика
пушинка тополя
тоже куда-то едет

На красный свет

белый воздушный шарик
переходил дорогу
на красный сигнал светофора.
все стоявшие на остановке
смотрели во все глаза
как цепляясь растрёпанной ниткой
за заусенцы асфальта
словно медленный пенсионер
уходил он от близких машин
вот взобрался на камень бордюра
и устало поник на газон
и застрял там в высокой траве
на свидетелей не оглянувшись

* * *

белый капот
облепленный жёлтыми пятнами
липовых листьев
в облике что-то кошачье
эта пятнистая морда в бархатных складках
что-то мне напоминает
«Ягуар-р-р-р»

* * *

не могу заснуть
хорошее настроение
в постели тепло
в доме тихо
на улице ночь
хорошее настроение
непреходящее ощущение пятницы
жалко заснуть

Медаль

если что-то не так
и всё представляется скверным
переверни медаль
у неё ведь две стороны

Внезапная осень

самоубийцей Бруклинского моста
пронёсся лист с вершины клёна
и грохнулся о землю
и оказался красным

Ледяная дверь

За голубую дверь одна шагну я.
Как некогда мы будем tête-à-tête,
Уже не проклиная, не ревнуя
К десятку лет, спрессованных в кастет.

Был для меня единственным, который..
Он поднял взгляд, угрюм и недвижим,
Осел, как в марте снеговые горы,
Стал тускло серым, тягостно чужим.

За окнами взвилась пурга лихая,
Как будто наступило Рождество.
И так же лёд не таял, полыхая,
В прозрачных голубых глазах его.

Липы

Тусклые липы осенние
С чёрной каймой.
Сокращено воскресенье
Близкой зимой.

Мёртвые липы заснежены,
Жгут белизной.
Сны заморожены нежные,
Дождь ледяной.

Звонкие липы, покрытые
Сыпью листов.
Страстные и ненасытные
Крики котов.

Липкие липы, брожение
В сладком меду.
Я от головокружения
Не отойду.

Снегопад

Громада города, как ступа,
Пестами миллионов ног
День перемалывала тупо,
Уныло отбывая срок,

Когда из рыхлого тумана
Родился вовсе невпопад,
Как всем приевшаяся манна,
Густой бесшумный снегопад.

Неся от облачных пределов
Неистоимый свет белил,
Он всё любовно переделал –
Покрасил, вымел, застелил,

Барочной тяжестью лепнины
Лёг на карнизы и столбы,
Стёр выражение рутины
С самой, казалось бы, судьбы

И вдруг иссяк. А город, тая,
Проваливался в черноту.
Лишь белых птиц большая стая
Сверкала снегом на лету.

Милешево

*В память Святого Лазаря и всех
новомучеников сербских, павших
15 июня 1389 года на Косовом поле*

Вознесённый на горы в славянской стране
Абсолютным, сияющим символом веры
В арке парусных сводов на южной стене
Белый Ангел дежурит у тёмной пещеры,
Наблюдая печально времён круговерть.
Как за Лазарем Воины снова и снова
Выбирают сраженье и верную смерть
И Небесного царства приемлют покровы.
Блещут сабли, сверкают мечи и щиты,
В клубах пыли возносятся острые пики.
Белый Ангел за боем следит с высоты,
Узнавая огнём озарённые лики.
Нескончаемой битвы судьба не проста.
Кроме смерти не зная на небо пароля,
В красном зареве, молча, у гроба Христа
Смотрит Розовый Ангел на Косово поле.

Бронзовый Врангель

*В Сремских Карловцах стоит
памятник Врангелю. Последними
словами генерала были: «Боже,
храни армию!»*

Львиный фонтан.
Семинария. Храм.
В тусклом окладе икона.
Старый платан,
Ветви по вечерам
Тянутся к дому барона.

Изгнанный ангел
Ютится в стенах
Провинциальных фасадов.
Бронзовый Врангель.
Мундир в орденах.
Призраки белых отрядов.

Эхом судьба
Пролепечет «Ура!»
Тёмными листьями кроны.
Я за раба
Помолюсь, за Петра,
У чудотворной иконы.

Весы

Мой знак – Весы. Ваш – Овен.
Каждому воздано.
Мне балансировать – час не ровен!
Вам – Золотое Руно.

Сна утешение всё короче.
Речи длиннее дней.
И оттого, что молчать нет мочи,
Отвечать всё трудней.

С «я вас люблю» снято вето.
Бредит стрелой тетива...
Медлю.
С ответом.
Взвешиваю.
Слова.

Под ночным дождём

В огнях резонируя каждой чертой,
Раскинув звенящие путы,
На город просыпался дождь золотой.
Атланты стояли разуты,
Подставили ливню литые тела,
Рассеянно припоминая,
Что в прошлом такая картина была:
И дождь, и нагая Даная.
Дворцовая площадь, блестя чешуёй,
Как Рыбы-кита хребтовина,
Из флейт водосточных свистала струёй,
Воды упивалась лавиной,
Плыла и плескалась, чиста и пуста,
Раскрыв отражённые дали.
Под зонтиком девушка шла от моста.
Под ливнем одни мы блуждали.
Сошлись у колонны в двуглавых орлах,
В покровах дождливой эгиды,
Смеясь, что у наших зонтов на крылах
Сверкают парижские виды.

Письмо со снегом

Москвы-реки остыли парапеты.
Неровности дорог сравняло льдом.
Пусть всё своим вершится чередом,
Пусть исчезают летние приметы.

Похожий на весенний день. Сухой.
Ноябрь насыщен солнцем до предела.
Я и замёрзла, но и загорела,
Пройдя по набережной над рекой.

И следом ключевой деталью lego
(Одновременно грустной и смешной) –
Твоё письмо пришло с дыханьем снега,
С оледенелой тьмой и тишиной.

Не отвечай

Bonjour! Bongiorno! Здравствуй, Мона-Лиза!
Столетий миновала череда,
А ты всё та ж – тиха и молода.
Спокойный взгляд прозрением пронизан.
Молчишь красноречиво, как всегда.

Позволь спросить, мечтаю об ответе.
Лицом к лицу с тобой стою одна:
Сколь высока молчания цена?
Но только не на том – на этом свете,
И не во все – а в эти времена.

Как промолчать на лай тоски вселенской?
Улыбкой взять отчаянье в тиски?..
А вот, на расстоянии руки:
Умение не сплетничать по-женски,
Не отдавать команды по-мужски.

Молчишь в толпе бегущих оголтело,
Галдящих. Неумолчен их прибор
И нескончаем, стал твоей судьбой.
Глядишь. Не отвечай. Мы в зале белом
Душевно побезмолвствуем с тобой.

ДОМ НА ЮРУ

* * *

С.Д.

Мой верный спутник, время холодеет.
Мы, словно рыбы, остываем в нём.
Где наши раскалённые затеи,
Когда морозный день был жарким днём,
И как всё было сказочно, припомни:
Среди ноябрьских выставших дубов
Мы вышли из лесу, как из каменоломни,
С корзиной белокаменных грибов.

* * *

Зима для нас не антураж,
А интерьер,
Где снежной лестницы вираж,
Пурга портьер.
У двери стужа зорко бдит,
Лежит клубком.
Портрет прапрадеда глядит
Снеговиком.
Стоят сугробов сундуки.
Наст простыней:
Кому соснуть на них с руки –
Тому видней.
Морозы катят напролом,
Как снежный ком.
Сосульки в люстре над столом
Звенят ледком.
Узорным инеем окон
Жжёт белизна.
Зима для русских испокон
На всех одна.

Чёрно-белые поветрия

Чёрных линий геометрия.
Снега белая основа.
Чёрно-белые поветрия
Околдовывают снова.

Косметическая пластика –
На рельефе как бумаге.
Вмиг одним касаньем ластика
Стёрты реки и овраги.

В обольщениях превращения,
В белоснежной пудре пуха
Беспредель запустения,
Неприглядная разруха.

Снега – видано-не видано.
Льда – до головокружения.
Март подарит неожиданно
Новый стиль омоложения.

* * *

Нет! Не было зимы. Не прерывалось лето
С бессонницей любви, сонливостью тоски.
Не расставались мы, лишь зазевались где-то.
Не веришь – оборви ромашке лепестки.

А может быть, зима неслась, взвивая гривой,
Мы отвели глаза – и промелькнула вмиг?
Июнь! Остановись. Приляг в траве под ивой.
Июлем август будь, не хмурь лазурный лик.

* * *

Печь гложет с аппетитным хрустом
Дрова калёными зубами.
Опять в саду светло и пусто...
И тянет из лесу грибами.

Зажгу свечу. В бессильной сини
Свеченье тёплое невнятно,
В сплетеньи сумеречных линий
Дрожат оранжевые пятна.

Всё спит. Земная твердь размокла.
Заголубли луж овальцы.
Туман ощупывает стёкла,
Ко мне протягивает пальцы.

* * *

с утра я сажал
сладких перцев рассаду
слёзы глотая
с другом разлука длинна
горькие надо б сажать

Добрая душа

в храме пустынно
мало в глуши прихожан
кто ж за здравие
ногусломающей бедной
нынче подал записку

* * *

виляли хвостами
несли поводки
лизали хозяину руки
но обманутые в ожиданиях
словно два валуна
привалили закрытую дверь
ждать
его
возвращения

* * *

суть ключа – открытие

Усталая река

У нас вчера был снег.
Снег, так красиво было,
Безветренно, тепло, и чёрный взгляд реки
Сквозь щёлку белых век
Ловил деревню с тыла,
Где баньки, и мостки, и заросли ольхи
Оцепенели. Лишь
Вода пока скользила,
Хоть каждый поворот давался ей с трудом –
Пронизывала тишь
Неведомая сила,
Мечтая отдохнуть, укрывшись толстым льдом.

* * *

Вечер сумерки включает
За окном.
Скину шубу, выпью чаю
Перед сном.
Ветер жгуч до исступленья.
Свет поблѣк.
Лишь подбрасывай поленья
В камелѣк.
Подпирай щеку уныло,
Лоб клоня.
Всѣ темно, что ясным было
В свете дня.

Дом на юру

Свет с четырёх сторон
Проходит в мой схорон.
Из каждого окна
Видна лишь тишина.

С уходом белизны
Одолевают сны
И слух тревожат мой,
Озвученные тьмой.

Не устоит засов
От шороха лесов.
И ставен толщина
Худой луне смешна.

Где неба алый край –
Огнѣм собачий лай.
А где ночной конвой –
Ознобом волчий вой.

Мой май

Май, а зима маячит приведеньем.
Пью кофе в задубелой тишине
И думаю, что ты приснился мне
Естественным знаменьем дня рожденья.
В счастливой жизни свой букет горчин,
Глотаю с кофе солнечные пятна
И радуюсь: как много есть причин
Не проверять отныне путь обратно.

Благоухание белого

Благоухание белого в самом зените.
В плеске жасмина, в медовом дыхании сныти.
Архитектурно воздвигнута лета картина –
Облако держат цветные колонны люпина.
Всё воплощается, – так нам весна обещала:
Белые арки, зелёный фундамент начала.
Белое до иступленья и до обнаженья.
Белое в адском безумии самосожженья.

Людка

Я на свиданье с милым на заре
Бежала, укрываясь за плетнями.
А Людка распевала во дворе,
Развешивая юбки с простынями.

Я возвращалась в сада светотень,
Хмельная, зачарованная лаской.
А Людка распевала целый день
И красила забор зелёной краской.

Я на двоих под вечер загодя
Накрыла стол, задёрнув занавеску.
А Людка распевала, уходя
С моим любимым ночью к перелеску.

Неодолимая осень

Ю. И-С

Невозмутимость отпущена соснам и ёлкам.
В лиственной зелени – выкрики золота, меди.
По разгулявшейся осени пыльным просёлком
Между колдобин виляю на велосипеде.

Издали тянет натопленной бани дымами.
Мчатся навстречу и гонятся листья по следу,
Лезут за шиворот, мечутся в спицах, на раме.
Не одолеть эту ветреность велосипеда.

Смерчи оборванных, скомканных льда дуновеньем,
Бледные беженцы – дань ожидаемым бедам.
Я утопаю, я их заражаюсь забвеньем,
Гибну в разверзшейся осени с велосипедом.

Пятый евангелист

Пар поднимается от тела.
Дым бани сладостно смолист.
В лесу совы короткий свист.
Река струится онемело.

Травы касаясь то и дело,
Пронесут волны жёлтый лист.
Вхожу в них, как евангелист
Входил в истории пределы.

Лист, поручив себя течению.
Плывёт, изогнут, как ладья,
Язычества бесшумной тенью.

И вечной жизни колея
Уносит всех без исключения,
Но знаю о Христе лишь я.

Жёлтые сливы

Варю сливовое варенье.
Колдую ложкой.
А золотые воспаренья
Пьянят немножко.
Я запечатываю к маю
Огонь и солнце:
Созревших кадмий заливаю,
Незрелых стронций.

Безумство цвета! И ответом
Сердцебиенье.
Но я не завершу на этом:
Сварю варенье
Из синих слив. И в банках чистых,
В оправе стенок
Великолепных аметистов
Создам оттенок.

Великолепие покоя

Сентябрь. Великолепие покоя.
Рай где-то раньше, где-то дальше ад.
Неторопливый дождь и листопад.
И день за днём видение такое.

Зонт созидает небо голубое,
Одолевая серых туч парад.
Рулоном разворачивает сад
Огня неповторимые обои.

И всё слышней дыхание берлог.
Вплотную неизбежности порог,
Так возраст превращается в привычку.

Но март, шутя, возьмёт его в кавычки,
И по анкетам запорхают птички
И незаметно отодвинут срок.

Антоновки

Антоновские яблоки в саду
Бросали мы в шуршащие пакеты
В потоках стронцианового света,
Кричащего сильнее какаду.

Роняло солнце, расточая пыль,
Лучи карандашами из пенала.
И я тебя ещё почти не знала,
А ты меня уже почти любил.

Скользила на сырой траве нога.
Антоновки с побитыми боками
Хватали мы, но, встретившись руками,
Отдёргивали, как от утюга.

Осенняя немерена казна.
Кленовых листьев неоплатны чеки.
На яблоки глазные лягут веки,
А там опавших яблок белизна.

Заосенье

Пройдём с тобой по гаснувшей дороге –
По первоснегу первые следы –
Под хруст едва схватившейся воды,
Задёрнувшей болота и пруды,
Под тишину в забывшейся берлоге.

Над чистым полем тучи в три наката.
Над чёткой кромкой скованных лесов
Уже накалена струна заката.
Себя представим чашами весов
Предзимья? Заосенья предиката?

Откликнувшись на сумерек остратки,
Поворотим обратно, ты и я,
На ощупь, оступаясь в тени ям.
Пересечён наш след по колеям
Летучим следом белогрудой ласки.

Февральские ёлки

У февральских ёлок пыльный вид.
Словно ими долго подметали
Серый снег до мартовских проталин,
Где ручей внезапно басовит.

Зимний холод на сердце привит,
Снегопады, тучи цвета стали.
С декабря мы о весне мечтали.
Это никого не удивит.

Но включат солнце – птица запоёт.
И снова сердце мечется моё.
И я грущу: зима уже не в моде...

Весна близка... Не зря твердят в народе:
Желанное всегда к тебе приходит,
Когда желанным быть перестаёт.

Лухоморье

С.Д.

У реки извиистой в плену
Мы на лёгкой лодочке катались,
Слаженно гребли и целовались,
Веря в ширину и глубину.

Утопая в липовом цвету,
В отражённых тучах утопая,
Плыли мы, друг другу уступая,
Веря в широту и долготу.

От медвежьих до глухих углов,
От небес и до речного днища,
Истину глаголя, во Фролищах
Разносился звон колоколов.

Из конца в конец Илья-пророк
Грохотал по небу на телеге.
И мешал подумать о ночлеге
Закруживший лодочку порог.

Тихо на реке

Как тихо на реке.
Не шепчется листва.
Не ноют комары.
Угли костра не яркие.
Чай в чёрном котелке
Кипит едва-едва.
И звёздные миры
Добавлены к заварке.

Как тихо на земле.
Не слышно голосов.
В предчувствии луны
Глаза смежают веки.
И капля на весле.
А в ней отражены
Неведомых лесов
Невидимые реки.

Как тихо на душе.
Ни грусти ветерка –
Свобода и покой
От края и до края.
И с милым в шалаше
Заснуть к щеке щека
Над медленной рекой
Под тихим небом рая.

Издаleка

Плечи гор подбиты белой ватой,
Растрепались клочьями слегка.
Если туча дождиком чревата –
Он не долетает до песка.
Солнце сквозь резьбу араукарий –
Взрывами пронзительных пучков.
Ветер в море нашвырял гербарий
Из соцветий, листьев и стручков.
Желтизну холмов пятнают тени
В живописном ритме вкривь и вкось,
Что роднит пейзаж с местами теми,
Где на свет явиться довелось.
Где поля туманны и суровы,
Вскормлены у снега на руках.
Только холмогорские коровы
Носят пятна солнца на боках.

ЧУВСТВО ПРИТЯЖЕНИЯ

* * *

Музейный зал. Сижу среди великих,
Забросив ногу на ногу, одна
В раздумье. Эти каменные лики –
Поводыри в былые времена.

Им любопытно, что переменилось?
Буравят взгляды оцепенье стен.
Как беспредельна вечной славы милость,
Так беспределен и почётный плен.

Гиганты. Узнаванье непреложно:
Излишни строгих подписей слова.
А я неузнаваема, ничтожна.
Но только я одна из них жива.

Любовь с первой строки

Заговорили о любви к стихам.
Точнее, о любви к стихам друг друга,
Где рифма многозначна и упруга,
Где место глубине и пустякам.

О смысле слов, внимании к строкам,
Работе мысли, как работе плуга...
И вдруг оцепенели от испуга,
И током дрожь промчалась по рукам.

Не смея снова встретиться глазами,
Умолкли в вестибюле под часами.
А время откровений шло по кругу,
Земля плыла, качая полюсами.
И мы, вбирая жар её и выюгу,
Заговорили о любви друг к другу.

* * *

какое счастье
говорить человеку
то что он хочет
и не лгать

По закону любви

когда я задам тебе
тот вопрос
который хочу чтобы задал мне ты
считай
всё пропало

* * *

Поэту не давались «р» и «л»,
Но так он декламировать хотел
И так велик был стихотворный пыл,
Что недостатки дикции забыл:
Пока витал во власти высших сфер –
И «л» лилось, и рокотало «р».

Де-факто

Мы ходим по нейтральной полосе
И рассуждаем о литературе.
Хорея гладим по блестящей шкуре,
И Ямба удивляемся красе.

В итоге темы перебрали все.
Хоть переписка тянется де-юре,
Но бегом пальцев по клавиатуре
Вращается – как белка в колесе.

Письмо отправлю и лежу без сна,
Во власти ослепительных зарниц:
Нам полоса нейтральная тесна!

Друг к другу устремлённых единиц
Новейшие толкают времена
Де-факто – к устранению границ.

Встреча с поэтом

Вот из-под Ахматовского крова
Под родимый возвратилась я,
Комаров не встретив в Комарово,
Обошлась укусом муравья.

Мне один поэт черничных ягод
На дорогу ссыпал в туюсок.
Эта встреча не на день, не на год
В жизнь впиталась – как черничный сок.

Пальцем несмываемо-лиловым
Он листал страницы белых книг
И, благоговей перед словом,
Узнавал божественное в них.

И, читая посвященья Анне,
Поднимал глаза до облаков,
Будто в небе, словно на экране,
Видел очертания стихов.

Поэтический фестиваль

Святая София, как белая птица, парит,
Расправила крылья над солнечной гладью реки.
У Полоцка нынче какой-то иной колорит:
Слетелись поэты прочесть и послушать стихи.

Вальжным бульваром пройдемся вдвоём у Двины –
Блаженно тенисты каштанов резные верхи,
На белых скамейках студенты смартфону верны,
На тёмных аллеях поэты читают стихи.

Загадочный город – Европы законная ось,
Значения центростремительных сил велики.
И всеми ветрами сюда занесённые врозь
Поэты на всех перекрёстках читают стихи.

Но, стоя в ночной тишине у ограды моста,
Услышишь: уже возникают иные стихи,
Растут, норвя прозвучать наизусть и с листа,
Как тот одуванчик, как те резеда, лопухи...

* * *

До безразличия сурова
Зимы глубокой перспектива,
Стабильность снежного покрова
Без обольщений креатива.
Короче день, письмо короче.
Длиннее ночь, темней молчанье.
Уже не речь, а междустрочье,
И не стихи, а примечанье.

Прощание с Есениным

С букетом красно-чёрных роз Бухарин...
Ребёнка Мейерхольд прижал к себе...
А тот, кто нынче отдал дань судьбе,
Теперь ей будет вечно благодарен.

Заботы о поэтах не случайны,
Советами давно был дан совет.
Но в каждом слове – несказанный свет.
И в каждой строчке – разглашенье тайны.

Определяйтесь, что кому дороже:
Петля на шею или пуля в лоб?
Вот ком земли ударился о гроб,
И эхом по толпе: «Прощай, Серёжа!»

Чувство притяженья

От Финского залива запах ила
Летит на паутине ветерка.
А я поэту свечку запалила
От слабого чьего-то фитилька.
А кто-то раньше здесь свечу поставил,
А кто-то был задолго до него
Не по регламенту церковных правил –
Из чувства притяженья одного.

Наползавшись в чернике до отвала,
Я унесла улики на руке.
За соснами девчонка распевала
На птичьем перелётном языке,
Всех сопричастных делая счастливей.
А там, где тучи сели на мели,
Всё плыли камни круглые в заливе
И чаек на спине своей везли.

Рассказал поэт

Если ночь ослепит мановеньем простёртой руки,
Если стороны света сведёт к тупикам четырёх,
Я сниму башмаки и концами свяжу их шнурки.
И дорожная пыль обернётся мне поводырём.
Осязая ступнями её остывающий пыл,
Шелковистую ласку размолотых солнечных дней,
Словно в звёздную веруя в эту дорожную пыль,
Прямо к дому я выберусь руслом в оправе камней.

Такая муза

В телогрейке, брошенной на плечи,
В сапогах... просёлочной дорогой
Каждый день выходит мне навстречу,
Неизменно сумрачной и строгой.

«Нет. Не соответствует канонам! –
Скажет поэтическая школа, –
Оскорбленье вкуса утончённым.
Да ещё и мужеского пола».

Говорите, раньше не бывало?
Предпочтёте платья или латы?
Но за мглой ночного покрывала
Конь её мне чудится крылатым!

По её натруженной ладони
Я судьбу стихов моих читаю...
Пусть уносят бронзовые кони
Ваших Муз насмешливую стаю.

* * *

прикосновение руки
хватает за душу

Поэты расходятся

Я – на метро.
Ты – не туда.
Он – за словом.

* * *

умная книга
умеет открыться
на нужной странице

* * *

имею
право
на недостатки

* * *

пусть лучше меня не знают по хорошим стихам
чем знают по плохим

Что для меня поэзия

если рыба с рожденья живёт без воды
то откуда ей знать
отчего она гибнет
и если однажды некто
просто нальёт ей воды
то как ей его называть
и возможно ли после
желать чего-либо большего

СЕВЕРНЫЙ АВГУСТ

Жизнь такова

Мы шли по дорогам, тряслись в поездах
По воле своей и судьбы,
За истину в неподходящих местах
Сшибали упрямые лбы.

Мы верили: есть золотое звено.
Твердили, всерьёз и шутя:
Ему стыковать все начала дано,
Но только на верных путях.

А время в ушах грохотало, как жесьь,
Трещало, как в топке дрова,
Что жизнь такова, какова она есть,
И более никакова.

Навигация

*Николай Чудотворец во все века
считался покровителем моряков.*

Якорь на заржавленном заборе,
Ледовито северное море
Вижу в запылённое стекло.
Корабли на рейде в полном сборе –
Ждут разгрузки. Время истекло.

Привезли взрывчатку, уголь, соду:
Жизнь кипит во всякую погоду.
Загружают золото, руду.
В хмурую арктическую воду
Ускользают льдинами по льду.

Край вселенной. Без дворцов помпезных,
Без дорог шоссейных и железных
Калачом сюда не заманить.
Только в моря аспидного безднах
Теплится связующая нить.

От материка не ждёт дотаций,
Посреди суровых декораций
Город-порт, у лета взяв кредит,
Молится на сроки навигаций
И Николе Мокрому кадит.

На деловом сленге

Отправить милому письмо.
Принять холодный душ.
Стереть с лица бессонниц тушь,
Уставившись в трюмо.

В командировочный прикид
Усталый дух облечь.
Борясь с желаньем снова лечь,
Принять достойный вид.

Приладив каску на чело
И получив эскорт,
Иду обследовать морпорт,
Едва лишь рассвело.

За то, что планы не верны,
Корить инженеров
У штабелей контейнеров.
Осматривать краны.

Пеняю, мне сам чёрт не брат:
Где списки кораблей?!
Где короба для кабелей?!
Где флотоконцентрат?!

По порту пронесусь, как тать.
Ноги моей там нет.
Прочсть от милого ответ
И до утра мечтать.

Гонка по тундре

Ночь и день на равнине сошлись на мечях.
Отдал день богу душу убогу.
То полярные совы взлетают в лучах,
То туман переходит дорогу
В неположенном месте. Не видно ни зги.
Тьма швыряет в обочин провалы.
Чёрный гравий летит на изгибе дуги.
Взгляды зверя мгновенны и алы.

Северный август

Чтоб отпугнуть медведя,
Выстрелил карабин.
Люди, грибами бредя,
Выбрались из кабин –
Будничная угроза.
В тундре рассыпан клад:
Карликовая берёза –
Карликовый листопад.
Как дырокол кружочки
Выронил, эх, лети
На золотые кочки
Красное конфетти!
Бусины чёрной шикши.
Чёрных камней труха.
Бежевый гриб, проникший
Ножкой в глубины мха.
Вышел туман на тропки –
Холоден, как стратег.
Затормозил на сопке,
Выдохнул первый снег.
Экие метаморфозы,
если бы да кабы.
Карликовые берёзы
И вельканьи грибы.

Из зала Страшного суда

Тем

Вечно тянется Божий суд.
И людской не спешит весьма.
На былое не донесут
Индибирка и Колыма.

Бесконечна тюрьма равнин.
И деревья-то не растут.
И во всём один на один.
И охранники тут как тут.

Смерть привязана к сим местам,
Нерадиво несёт свой крест.
Так иль иначе будут там:
Не цинга, так болото съест.

И лежат безымянно те –
Только с номером на груди.
В узких ящиках в мерзлоте.
Ты тут бережнее ходи.

* * *

Глубокого снега зевота.
Дорог слюдяная кора.
Запудренный лес. Позолота
Короткого солнца щедро.

И, пользуясь кратким моментом,
Любой незаслуженный сук
Увит золотым позументом
Под дятлов отчётливый стук.

Собаки, в снегу увязая,
Всклокоченно-белые в крап
Сидят на лыжне, выгрызая
Комки ледяные из лап.

Попутчики

Не разбираясь в квотах,
зайцем, исподтишка
в северных самолётах
с нами летит мошка.
Мы потребляем колу,
завтраки бизнес-класс.
Чтоб утолить свой голод –
мошка кусает нас.

Розовые олени

Бросает в жар и за полярным кругом.
Шли кругом головы, дыханья маховик
Толкал нас вверх, шагали друг за другом
Сквозь цепкий березняк и борщевик,

Борясь с коварной слабостью коленей.
Вдруг увидали мы невдалеке:
С десяток белых северных оленей
Легли остыть на снежном языке.

Давя боками ягоды проталин,
Окрашивая соком шерсть и лёд,
Олени с интересом наблюдали,
Как трудно нам даётся гордый взлёт.

И, подпустив нас до границы тени,
Ушли наверх по склону, не спеша,
С десяток дивных розовых оленей.
Мы вслед смотрели, тяжело дыша.

Немой свидетель

Бессмертного базальта чёрный лак –
Жар извержений в памяти его.
Безлюдье... Но живое существо
Вдруг возникает на краю овражка
С немой вопросом: кто, откуда, как?..
Смешная деловитая евражка –
Как яркий представитель тех миров,
Где люди, краткосрочны и случайны,
Придут, чтоб развенчать земные тайны,
И, разбросав кирки, лопаты, кружки,
Уйдут, забрав свой золотой улов,
Под взглядом озадаченной зверушки.

Мёртвый терминатор

Дороги тундры редки и пустынные.
Покровы тундры осенью цветны.
Заброшенные зданья и машины
Издадека меж сопками видны.

Земля б взяла, но мерзлота не примет
Забытое ненужное хламьё.
Какого ослепления во имя
Ответственность легла на грудь её?

Лом. Свалка. Кран, погнутая антенна...
Плафона стук о ржавый клюв крюка
Десятилетия вторит неизменно
Ударам моря в чёрный прах песка.

Вдали в тумане радиолокатор,
Рассыпав шлейфом битое стекло,
Стоит – как побеждённый терминатор.
Бессмысленное варварство и зло...

Мертвы пути к космическим контактам,
Как выдранные с мясом провода.
Одни евражки вешками по трактам,
Полярных дней с ночами череда.

Реквием по Кондопоге

Православные, очнитесь, ради бога!
Слышите – повсюду дым и гарь?
Видите – пылает Кондопога?
Скажете – бывало так и встарь?

Да, бывало, верно, час неровен.
Но в ответ огню паникадил
Сорокасантиметровых брёвен
Сколько хочешь лес тогда родил.

Ныне нет, а нужно очень много –
В счёт потерь прожорливых годин.
В пламени исчезла Кондопога
Вслед за обрушением Лядин.

И летят их души – как миссии –
Вместе с дымом к Богу на постой
Созидать Небесную Россию,
А земную оставлять пустой.

Золото Колымы

К солнцу крылья лайнера раскрыты.
Землю озираю с высоты:
Всех озёр и рек глаза и рты
Золотом расплавленным залиты.

Может, только прерафаэлиты
Прозревали ужас красоты.
В дымке сканью стебли и цветы,
Как покров на траурные плиты.

Мелкой птицей мчится самолёт
Над Колымской мёртвою водицей.
Ничего не знаем наперёд,
Но получим некогда сторицей.

Смерть за жизнь недорого берёт –
Золота не хватит расплатиться.

ДРЕВНИЙ СВЕТ

* * *

«Небо!» – кричит человек у подножия храма,
Машет руками и горестно губы кривит.
Люди молчат... осторожны потомки Адама.
Замкнутость в лицах, имеющих божеский вид.

Небо молчит. Осыпается белым наливом
Тихая яблоня, к церкви прижалась с угла.
«Небо! – кричит человек со слезой и надрывом. –
Я ведь люблю тебя! Что же молчишь, как скала?»

Сыплются круглые яблоки с дерева рая,
В глянце боков отражается солнечный свет.
Божьи дары из холодной травы подбирая,
Чутко молчит человек, ожидая ответ.

Курортный роман в Пскове

*...А может, это не простой роман,
А с продолженьем?*

Любовь Сердечная «Курортный роман»

В российских глубинах вдруг ветер приморский
задул.
Был тих, но настойчив его наступательный гул.
Откуда он взялся, каким появился обманом,
В открытом кафе к моему прибывая твой стул
И псковскую полночь венчая курортным романом?

Я воспоминанья смешаю, как фишки лото,
Засуну в забвенья мешок. В наказание за то,
Что льнуло к тебе, с горя выброшу платье из ситца.
Но счастья слезу уроню сквозь ресниц решето:
Что дал мне возможность так страстно в тебе
ошибиться!

Нас волны с любовью швыряли всю ночь до утра.
Но мы на перрон, где скрежещут разлук флюгера,
Пришли, одолев неусыпного ветра влечение.
И в теле осколком слова «расставаться пора»
Засели, как в теле вокзала царя отречение.

Устье Псковы

Стать собора с пятиглавой кроной
Юбкой плиссированной метёт,
И по кругу держит оборону
Длиннорукий грозный хоровод.
Церковушки светятся побелкой,
Крепкие, как белые грибы.
А в реке Великой, да не мелкой,
Смолкли вражьи латы и гербы,
Православных витязей шеломы,
Каски не вернувшихся солдат.
Волн неисчислимыя изломы –
Блеск незабывающихся дат.
Тут незримо линиями фронта
Рюриковичей огонь течёт.
Тут литовец отблеском Довмонта
Голову склонил мне на плечо.

* * *

Как буднично уходит человек,
Забрав свои зарубки и пометки.
Ослепший взгляд из-под прикрытых век.
Ненужные рецепты и таблетки.

Лишь вдох и выдох сделаны в пути
На родовом, потом на смертном ложе.
А может, благо – буднично прийти
И буднично уйти из жизни тоже?

Ангелы-хранители

Так случайность или провидение?
Но при мне посланником небес
Ангел польского происхождения
Направляет жизненный процесс.

Рядом, словно так у них намечено,
Неизменно ясен, тих и строг,
Православный ангел каждым вечером
Мне из книг читает пару строк.

И питают душу, словно доноры,
Не дают уйти из колеи
Оба без соперничества, гонора
Ангелы-хранители мои.

Плёт

Сквозь белый снег и белые берёзы
Неуловимы храма очертания.
Метелей одинокие скитанья
В начале своего апофеоза.

В них нет пока что сухости мороза
И страсти ледяного обладанья.
Летят изгнать картину увяданья
Стремительные мокрые стрекозы,

Зачёркивая белыми штрихами
Лик осени, похожей на весну.
Лишь Волга-мать во всю свою длину

Ещё идёт тяжёлыми волнами,
Задумчиво вскипает временами,
Бесстрастно поглощая белизну.

Только он

Он сказал мне: «Здравствуй, ангел мой...»
По международной и прямой
Голосом до ужаса знакомым.
В горле радость бессловесным комом.
В голове бессмысленный расчёт:
Сколько лет разлуки утечёт
В океан отчаянной печали?
Все слова иссякли. Мы молчали.
По окну дождём текли года.
Никого не будет никогда,
Кто ещё посмел бы так сказать
И любить, не помня, за глаза...
Только он. Я в горечи немой
Прошептала: «Здравствуй, ангел мой...»

Семейная легенда

Моему отцу

И сыпал снег. И женщина смотрела
В лицо новорождённому сынку
И обнимала, лёжа на боку,
Его как будто защищая телом
От испытаний, ждущих на веку.

Метель мела, ваяла из сугроба
Тирана профиль. Был суров и хмур
Грядущего безжалостный прищур.
И прошлого. Два маленькие гроба
Печально помнил жёлтый абажур.

И муж в кругу его живого плена
Украдкой слёзы быстрые сметал.
А слабый голос женщины пытал:
– Как, Вася, назовём?..
– Богданом, Лена.
Бог взял. Бог дал.

На окна серебристые эмали
Февральский вечер наносил крылом.
Муж проверял тетради за столом.
Лучился свет. Дитя и мать дремали.
Двадцатый век в ночи стоял колом.

Древний свет

Kate

В ней безусловность будущего дышит
Пренебреженьем к прошлому. Любому.
Но неизбежно дальний зов услышит
И прикоснётся к старому альбому.

Задумается, глядя на портреты,
На патиной подёрнутые лица.
Её черты вбирают древний свет их,
Не знавших, в ком придётся отразиться.

Потом, внезапной прихотью влекома,
Оденется в прабабушкино платье.
Её фигура так ему знакома,
В её осанке лёгкость той же стати.

И, улыбаясь зеркалу лукаво,
Она смутится, словно в миг свиданья,
Присваивая прошлое – по праву
Причастности к семейному преданью.

Вкус детства

Чай с сахаром, какой... давно забытый вкус.
Былые времена, где бабушка и мама
Твердят наперебой: «Мотай себе на ус!»
Но нету ни усов, ни совести ни грамма.
И нараспашку мир, и весь он только мой.
И к сахару пути ведут не понарошку.
За прибранным столом чай летом и зимой.
И пальцы теребят нагрешую ложку.

* * *

кто жизнь мою кроит
огромными ножницами
сшивая куски
на живую нитку
сапожной иглой
какой сапожник?

* * *

доживая до возраста матери
понимаешь что это не возраст

* * *

сшиваем вещи
так и проходит жизнь

* * *

как получилось
что даже то
чего не имею
принадлежит времени
которое берёт своё

Вербное воскресенье

Было всё... и лишь надежды мало.
Мать в молитве тихо отошла.
На лицо набросил покрывало
Свет лампад из красного угла,
Как румянец озарил разлуку,
Страстно против истины греша.
В ангела протянутую руку
Села сиротливая душа,
Прячась под крыло белее мела.
Плакал сын, знамение творя.
В окнах вместо вербного алела
Воскресенья скорбного заря.

На Москва-реке

В Москве разбирают сугробы
И складывают в кузова.
Забудем былые хворобы.
Весенние вспомним слова.

Снег серый и серые льдины
Безропотно тянет река.
Холодного неба седины
Непреодолимы. Пока.

Мы с папой гуляли, бывало,
Кидали друг в друга снежки,
Смотрели, как снег самосвалы
Ссыпают на русло реки.

И белыми были сугробы,
И синими льды на реке
В глазах шестилетней особы
При шарике или флажке.

Смоленское (храм Иоанна Богослова)

Саше

На вечерню в церковь забрели
И с тех пор болеем:
Стражи тьмы – князья и короли –
Вспугнуты елеем.

Страшным кашлем рвутся из груди,
Жаром и ознобом.
Господи, спаси и проведи
К жизни не за гробом.

Наказанье это или хворь...
Щучье ли веленье?
В просветленьи предвесенних зорь
Жду выздоровленья.

Слышу, как целебный благовест
Катит по аллеям...
Ты не ставь на мне покуда крест.
Разве что елеем.

В поле один

*Поклонились все люди Илье до самой земли:
– Спас ты нас, Илья Муромец, от смерти лютой.*

Былина про Илью Муромца

Камни. Камни. Камни сложили дорогу,
Стен сложили кольчугу. Надёжный заслон.
Воин в поле один. Не позвать на подмогу.
Но за судьбы земли отвечает лишь он.

Камни. Камни. Камни. В смертельном азарте
Кто с мечом к нам придёт – о пощаде потом не проси.
Крепость каменной тяжестью встала на карте,
Несдвигаемой сделав границу Руси.

Камни. Камни. Камни гудят языками
Иноземных врагов, надвигавших полки.
Время камни сжимает стальными руками,
И струятся сквозь пальцы его родники.

Камни. Камни. Камни. Руины легенды.
Плиты древних надгробий да Труворов крест...
Лёг орнамент на озера синие ленты –
Строчкой белые лебеди, белые платья невест.

Содержание

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Май в Хамовниках	3
Весомое облако	4
Приятный кофе	5
Иллюзии	6
Апельсин	7
Палаццо Роберто (Мола-ди-Бари)	8
Каменный холод	9
«Барашков нескончаемый балет...»	10
Красивая осень	11
Волнительный маршрут	12
Апрель в ноябре	13
Настоящее время	14
С настроением	15
Летели над морем	16
По Флоренции	17
Мегалитические поля	18
«Обезьяна на скале», картина Мори Сосэн (1747–1821)	19
«Осень», картина Ватанабэ Кадзан (1793–1841)	19
«гальки холодной...»	20
«был выходной...»	20
Животный инстинкт	21
Жена-арфистка	22
Портрет Греции	23
Морской накал	24
Стихия материнства	25
«Великий повар соль подсыпал в океан...»	26
«Всё немо. Губы каменных сугробов...»	27
Спасибо!	28
«едем в метро...»	28
На красный свет	29
«белый капот...»	30
«не могу заснуть...»	31

Медаль	32
Внезапная осень	32
Ледяная дверь	33
Липы	34
Снегопад	35
Милешево	36
Бронзовый Врангель	37
Весы	38
Под ночным дождём	39
Письмо со снегом	40
Не отвечай	41

ДОМ НА ЮРУ

«Мой верный спутник, время холодеет...»	42
«Зима для нас не антураж...»	43
Чёрно-белые поветрия	44
«Нет! Не было зимы. Не прерывалось лето...»	45
«Печь гложет с аппетитным хрустом...»	46
«с утра я сажал...»	47
Добрая душа	47
«виляли хвостами...»	48
«суть ключа – открытие...»	48
Усталая река	49
«Вечер сумерки включает...»	50
Дом на юру	51
Мой май	52
Благоухание белого	53
Людка	54
Неодолимая осень	55
Пятый евангелист	56
Жёлтые сливы	57
Великолепие покоя	58
Антоновки	59
Заосень	60
Февральские ёлки	61
Лухоморье	62
Тихо на реке	63
Издалека	64

ЧУВСТВО ПРИТЯЖЕНИЯ

«Музейный зал. Сижу среди великих...»	65
Любовь с первой строки	66
«какое счастье...»	67
По закону любви	67
«Поэту не давались “р” и “л”...»	68
Де-факто	69
Встреча с поэтом	70
Поэтический фестиваль	71
«До безразличия сурова...»	72
Прощание с Есениным	73
Чувство притяженья	74
Рассказал поэт	75
Такая муза	76
«прикосновение руки...»	77
Поэты расходятся	77
«умная книга...»	77
«имею...»	78
«пусть лучше меня не знают по хорошим стихам...»	78
Что для меня поэзия	78

СЕВЕРНЫЙ АВГУСТ

Жизнь такова	79
Навигация	80
На деловом сленге	81
Гонка по тундре	82
Северный август	83
Из зала Страшного суда	84
«Глубокого снега зевота...»	85
Попутчики	86
Розовые олени	87
Немой свидетель	88
Мёртвый терминатор	89
Реквием по Кондопоге	90
Золото Колымы	91

ДРЕВНИЙ СВЕТ

«“Небо!” – кричит человек у подножия храма...»	92
Курортный роман в Пскове	93
Устье Псковы	94
«Как буднично уходит человек...»	95
Ангелы-хранители	96
Плёт	97
Только он	98
Семейная легенда	99
Древний свет	100
Вкус детства	101
«кто жизнь мою кроит...»	102
«доживая до возраста матери...»	103
«снашиваем вещи...»	103
«как получилось...»	103
Вербное воскресенье	104
На Москва-реке	105
Смоленское (храм Иоанна Богослова)	106
В поле один	107

Литературно-художественное издание

101 ПОЭТ XXI ВЕКА

Галина
Щербова

• • •

ЧТО
ДЛЯ МЕНЯ
ПОЭЗИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Оформление серии *Анна Розанова*
Компьютерная вёрстка *Ульяна Иващенко*
Корректор

Подписано в печать 00.00.2020
Бумага офсетная. Формат 84х108/₃₂
Гарнитура «Petersburg»
Усл. печ. л. 3,5. Тираж экз.
Заказ №

Издательство «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50 а/5, стр. 1
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru